

ОЛЬГА А. ГУЛЕВИЧ¹

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-3806-5064

ЕВГЕНИЙ Н. ОСИН²

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-3330-5647

Психологические факторы отношения к войне: теоретический обзор

doi: 10.22394/2074-0492-2023-1-31-50

Резюме:

Люди демонстрируют разное отношение к военным действиям как способу разрешения международных конфликтов. В этой статье мы рассматриваем специфику психологического подхода к изучению этого отношения: (а) уровни отношения к войне (отношение к конкретным военным кампаниям vs общее отношение к войне как к способу разрешения международных конфликтов); (б) психологические (индивидуально-психологические, социально-психологические, ситуативные) факторы, предсказывающие это отношение; (в) ограничения проведенных исследований и направления дальнейшего изучения. Основное внимание мы уделим трем социально-психологическим факторам, предсказывающим отношение к военным действиям на территории других государств: социальной идентичности (общечеловеческой vs национальной идентичности, позитивной национальной идентичности vs национальному нарциссизму), отношению к власти (правому авторитаризму, отношению к действующей политической системе) и воспринимаемой угрозе от стран-противников. Мы покажем, что общечеловеческая идентичность негативно связана с отношением к военным кампаниям. В то же время национальная идентичность (особенно национальный нарциссизм), отношение к власти (прежде всего правый авторитаризм) и воспринимаемая межгрупповая угроза — позитивно связаны с отношением к войне. В данном обзоре будут рассмотрены результаты, полученные в разных странах, прежде всего, в США, некоторых европейских государствах и России.

31

1 Ольга Александровна Гулевич — доктор психологических наук, профессор департамента психологии, зав. НУЛ политико-психологических исследований, НИУ «Высшая школа экономики». E-mail: ogulevich@hse.ru

2 Евгений Николаевич Осин — кандидат психологических наук, доцент департамента психологии, НИУ «Высшая школа экономики». E-mail: evgeny.n.osin@gmail.com

Ключевые слова: отношение к войне, национальная идентичность, коллективный нарциссизм, политическое доверие, правый авторитаризм, воспринимаемая межгрупповая угроза

Olga A. Gulevich¹

HSE University, Moscow, Russia

Evgeny N. Osin²

HSE University, Moscow, Russia

Psychological Factors Underlying Attitudes toward War: A Theoretical Review

Abstract:

People have different attitudes toward military action as a way of resolving international conflicts. In this article we will examine the psychological approach to the study of these attitudes: (a) the levels of attitudes toward war (attitudes toward specific military campaigns vs. general attitude toward war as a way of resolving international conflicts); (b) psychological (individual, social-psychological, and situational) factors predicting these attitudes; (c) limitations of the existing research and directions for future research. We will focus on three social-psychological factors predicting attitudes toward military action on the territory of other states: social identities (common human identity vs national identity, secured national identity vs national narcissism), attitudes toward political authority (right-wing authoritarianism, political trust), and the perceived threat from adversary countries. We will show that common human identity is negatively related to the attitudes toward military companies, whereas national identity (especially national narcissism), positive attitudes toward political authorities (primarily right-wing authoritarianism), and perceived intergroup threat are positively related to them. In this review we will discuss the results obtained in various countries, primarily in the USA, several European countries, and Russia.

Keywords: attitudes toward war, military attitudes, national identity, collective narcissism, political trust, right-wing authoritarianism, perceived intergroup threat

Причины, протекание и последствия военных конфликтов рассматриваются в разных гуманитарных и социальных науках —

---

1 Olga A. Gulevich — Doctor of Sciences, professor at the department of psychology, head of Politics & Psychology Research Laboratory, HSE University

2 Evgeny N. Osin — Candidate of Sciences, associate professor at the department of psychology, HSE University

философии, политологии, социологии, психологии. Психологические исследования, посвященные этой теме, можно разделить на два типа. В исследованиях первого типа принимают участие солдаты, воюющие с оружием в руках, и мирные жители, которые стали жертвами военных действий. Исследователи анализируют психологические особенности, состояния и поведение этих людей во время и после войны. В исследованиях второго типа участвуют люди, которые не вовлечены в боевые действия, но, возможно, поддерживают одну из сторон. К ним относятся как жители воюющих стран, так и граждане других государств. Психологи изучают, каким образом эти люди воспринимают участников конфликта и как относятся к боевым действиям.

Цель этой статьи — провести обзор психологических исследований, посвященных отношению людей к военным действиям. Такие исследования появились в 70–80-х годах прошлого века и идут до сих пор. Ниже мы опишем основные направления изучения этого отношения, в том числе психологические факторы, предсказывающие отношение к войне у людей, которые не принимали непосредственного участия в боевых действиях. Как правило, это граждане страны, чья армия воюет на территории другого государства. Мы сфокусируемся на хорошо изученных факторах, которые были обнаружены сразу в нескольких странах, и сделаем акцент на исследованиях, которые были проведены в последние тридцать лет. Классификации и рисунки, использованные в статье, являются авторскими и созданы в рамках данного обзора.

33

Отношение к войне как направление психологического анализа

В психологии отношение к войне изучается на двух уровнях (рис. 1). Первый уровень — это отношение к конкретным военным кампаниям. Специалисты, работающие в этом направлении, изучают отношение людей к военным действиям, в которых принимают участие их страны. Как правило, речь идет о войнах, которые разворачиваются на территории других государств. Например, за последние сорок лет был проведен ряд исследований, в которых изучалось отношение людей к участию своей страны в военных действиях, идущих в Персидском заливе [например, Doty et al. 1997], Ираке [например, Crowson et al. 2005, 2006], бывшей Югославии [например, Cohrs, Moschner 2002], Сирии [например, Неврюев и др. 2018], Украине [например, Gulevich, Osin 2023] и некоторых других странах.

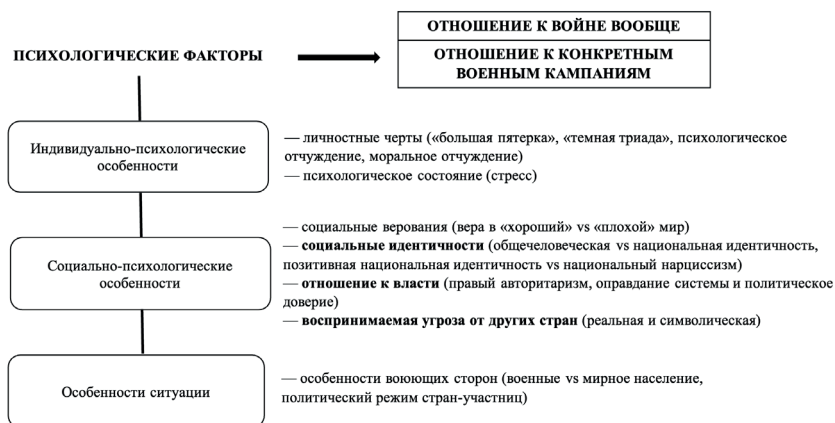

Рисунок 1. Психологические факторы отношения к войне
 Figure 1. Psychological factors of attitudes toward war

34

Второй уровень — это отношение к военным действиям в целом как к общему способу разрешения международных конфликтов. Одни ученые считают, что отношение к войне и к миру — это принципиально разные переменные, которые возникают при разных условиях и различным образом влияют на наше поведение [Bizumic et al. 2013]. Другие исследователи имплицитно полагают, что отношение к войне и миру — это два полюса одного континуума, и фокусируются на отношении к военным действиям [Неврюев 2018; Gulevich et al. 2020; Weise et al. 2008].

Два уровня отношения к войне связаны друг с другом. В частности, восприятие войны как эффективного и морально оправданного способа разрешения международных конфликтов улучшает отношение человека к военным кампаниям с участием своей страны [Jagodic 2000] и повышает готовность принять личное участие в подобных кампаниях [Bizumic et al. 2013]. Например, российское исследование, проведенное несколько лет назад, показало, что чем больше люди одобряли войну как способ решения международных конфликтов, тем больше они поддерживали оказание военной помощи, и тем меньше — оказание гуманитарной и политической помощи Сирии [Неврюев и др. 2018].

Исследования, проведенные за последние тридцать лет, позволили выделить некоторые факторы, которые предсказывают отношение людей к конкретным военным кампаниям и войне вообще. В целом эти факторы можно разделить на три группы: индивидуально-психологические особенности, социально-психологические особенности и характеристики ситуации (рис. 1).

К индивидуально-психологическим особенностям относятся личностные черты и психологическое состояние людей. Например, некоторые исследования продемонстрировали, что черты «большой пятерки» [Blumberg et al., 2017] и «темной триады» [Gulevich et al., 2023a; Linden et al., 2019], а также уровень стресса [Bizumic et al. 2013], психологическое отчуждение [Гулевич, Неврюев 2016] и отчуждение моральной ответственности (Gulevich et al 2023a) связаны с отношением к войне. Однако проведенные исследования имеют несколько ограничений. В частности, индивидуально-психологические особенности редко привлекают внимание ученых. Кроме того, эти характеристики больше связаны с отношением к войне как к способу разрешения международных конфликтов и к насилию против мирного населения, чем с отношением к конкретным военным кампаниям. И наконец, данные нестабильны: некоторые особенности связаны с отношением к войне в одних исследованиях [Bizumic et al. 2013; Blumberg et al., 2017], но не связаны в других [Gulevich et al., 2023b; Van der Linden et al., 2017].

К социально-психологическим особенностям относятся социальные верования [Crowson 2009; Gulevich et al. 2020; Gulevich, Osin 2023], ценности [Cohrs et al., 2005], общечеловеческая и национальная идентичность, отношение к власти и восприятие угрозы со стороны других стран. Причем некоторые исследования показывают, что вера в «хороший» (добрый, справедливый) и «плохой» (опасный, конкурентный) мир предсказывает идентификацию человека со своей страной и человечеством в целом [Неврюев и др. 2018; Gulevich, Osin 2023], а также отношение к власти [Crowson 2009; Gulevich et al. 2020]. Эти особенности, в свою очередь, предсказывают отношение к конкретным военным действиям¹.

К характеристикам ситуации относятся особенности участников военного конфликта. Например, американское исследование [Watkins, Laham 2020] показало, что люди считают убийство, совершенное солдатом (или убийство солдата), более допустимым, чем убийство, совершенное мирным жителем (или убийство мирного жителя). Кроме того, швейцарское исследование [Falomir-Pichastor

1 Парадоксально, что позитивное отношение к войне может стать результатом как позитивных, так и негативных социальных верований. В частности, люди, которые верят в «хороший» мир, сильнее идентифицируются со своей страной [Gulevich, Osin 2023]. Люди, которые верят в «плохой» (опасный) мир, более позитивно относятся к представителям власти [Gulevich et al. 2020]. Чем более позитивно люди относятся к своей стране и представителям власти, тем больше они поддерживают военные действия своей армии на чужой территории. Ниже мы поговорим об этих связях более подробно.

et al. 2012] продемонстрировало, что люди больше поддерживают военное вторжение, когда агрессором является придуманная демократическая, а жертвой — недемократическая страна, чем при трех других сочетаниях политических режимов. Однако это различие проявляется, только если, по мнению респондентов, жители придуманной демократической страны одобряют политику своего правительства. Тем не менее, в целом ситуативные характеристики привлекают мало внимания исследователей.

Ниже мы рассмотрим наиболее изученные социально-психологические факторы, которые предсказывают отношение людей к участию своей страны в конкретных военных кампаниях на территории других государств (первый уровень отношения). Решение об участии в таких военных конфликтах принимают представители действующей власти; военные действия так или иначе затрагивают всех жителей воюющей страны; мишенью этих действий являются другие государства. Вероятно, поэтому исследователи уделяют основное внимание трем психологическим факторам: (а) общечеловеческой и национальной социальной идентичности, (б) отношению к действующей власти и (в) отношению к стране, которая является потенциальным противником.

36

Социальная идентичность как фактор одобрения войны

Первый фактор, который предсказывает отношение к военным действиям, — это социальная идентичность. Психологи полагают, что люди могут воспринимать себя на трех уровнях: как уникальную личность (личная идентичность), как члена определенной социальной группы (частная групповая идентичность) и как члена более общей группы, объединяющей членов разных сообществ (общая групповая идентичность) [Turner, Reynolds 2012]. В данном случае нас интересуют второй и третий уровни самовосприятия, которые рассматриваются как социальная идентичность.

Социальная идентичность — это часть представления человека о себе, связанная с его или ее членством в определенной социальной группе. Чем больше люди идентифицируют себя с той или иной социальной группой, тем более позитивно они оценивают одноклассников, тем больше интересуются проблемами своего сообщества, тем чаще следуют его нормам, предпринимают действия, которые приносят пользу своей группе и защищают ее интересы. Однако интересы и нормы разных социальных групп отличаются друг от друга. Поэтому идентификация с разными группами приводит к разным, иногда противоположным последствиям.

Национальная идентичность vs общечеловеческая идентичность. В исследованиях, посвященных международным отношениям, проводится различие между национальной и общечеловеческой идентичностью человека. Национальная идентичность относится к восприятию человеком себя как гражданина конкретной страны, а общечеловеческая идентичность — как представителя человечества в целом [McFarland et al. 2019]. Таким образом, национальная идентичность — это второй уровень самовосприятия, а общечеловеческая идентичность — третий уровень.

Многочисленные исследования показали, что национальная и общечеловеческая идентичность приводят к разным последствиям. В частности, национальная идентичность положительно связана с поддержкой действий своей страны, оправданием ее политической и экономической систем [Luca et al. 2021; Vargas-Salfate et al. 2018], принятием официальных нарративов политических событий [Bilali 2014]. В то же время общечеловеческая идентичность положительно ассоциируется с озабоченностью глобальными проблемами и готовностью принимать меры для их решения [Katzarska-Miller et al. 2012; McFarland 2017; McFarland et al. 2012; McFarland, Hornsby 2015; Renger, Reese 2017; Reysen et al. 2013].

37

Кроме того, национальная идентичность связана с негативным отношением принимающего населения к «приезжим» (иностранцам, иммигрантам, беженцам). Этот эффект был обнаружен в разных странах мира — Франции [Adam-Troian et al. 2019], Австралии [Anderson, Ferguson 2018], Мальте [Bianco et al. 2022], Швейцарии [Dierckx et al. 2022] и Турции [Yitmen, Verkuyten 2018]. В то же время общечеловеческая идентичность ассоциируется с поддержкой прав человека [McFarland 2010, 2015, 2017; McFarland, Hornsby 2015; Reysen et al. 2013] и позитивным отношением к членам других этнических и национальных групп [McFarland et al. 2019].

В контексте международных отношений национальная и общечеловеческая идентичность по-разному связаны с отношением к войне. В частности, некоторые исследования показали, что национальная идентичность связана с одобрением военных действий против стран, которые воспринимаются как источник угрозы [Barnes et al. 2014]. Общечеловеческая идентичность, напротив, положительно связана с одобрением мирных переговоров и склонностью прощать другие страны [McFarland et al. 2019] и негативно связана с поддержкой участия своей страны в военных действиях на территории других государств [Reysen, Katzarska-Miller 2017].

Разное воздействие национальной и общечеловеческой идентичности становится особенно заметным, когда исследователи одновременно измеряют обе переменные. Например, в недавнем исследовании [Gulevich, Osin 2023a] российские респонденты заполняли

опросники для измерения российской и общечеловеческой идентичности, а затем выражали свое отношение к «специальной военной операции» на территории Украины и мобилизации. Результаты показали, что идентификация с Россией была позитивно связана с поддержкой военных действий, готовностью участвовать в них, а общечеловеческая идентичность — отрицательно, хотя первая связь была сильнее, чем вторая.

Позитивная национальная идентичность vs национальный нарциссизм. Некоторые исследователи проводят различие между двумя формами отношения людей к своей стране. Они выделяют позитивную (безопасную) национальную идентичность и национальный нарциссизм. Позитивная национальная идентичность — это ощущение человеком связи со своей страной и удовлетворенность принадлежностью к ней («моя страна — хорошая»). В то же время национальный нарциссизм — это вера в величие своей страны, которое недооценивается жителями других стран («моя страна — самая хорошая, но жители других стран этого не видят») [Golec de Zavala, Lantos 2020].

38

Психологические исследования показали, что в ряде стран (например, Польше, Великобритании, Франции, Германии, Нидерландах, Португалии, США) национальный нарциссизм негативно связан с отношением к мигрантам и иностранцам. В то же время позитивная национальная идентичность позитивно связана с отношением к этим людям или вообще не связана с ним [Bertin et al. 2022; Cichocka et al. 2018; Golec de Zavala 2011; Golec de Zavala, Cichocka 2012; Golec de Zavala et al. 2013, 2020; Dyduch-Hazar et al. 2019; Górska et al. 2020, 2022; Guerra et al. 2022; Marchlewska et al. 2020; Verkuyten et al. 2022; Żemojtel-Piotrowska et al. 2020].

В международной сфере разница между позитивной национальной идентичностью и национальным нарциссизмом проявляется в отношении к другим странам. В частности, национальный нарциссизм негативно связан с готовностью к кооперации с другими странами в тяжелые периоды (например, во время массовых заболеваний) и с прощением других стран, которые ранее были врагами, но позитивно связан с одобрением военных действий против других стран, которые воспринимаются как источник угрозы для своей страны [Golec de Zavala et al. 2009; Gronfeldt et al. 2022; Hamer et al. 2018]. В то же время позитивная национальная идентичность не связана с прощением других групп [Hamer et al. 2018].

Однако, по-видимому, разница в эффектах позитивной национальной идентичности и национального нарциссизма в международной сфере изменяется от страны к стране. Например, в недавнем российском исследовании [Gulevich et al. 2023b] респонденты заполняли методики для измерения позитивной российской идентич-

ности и национального нарциссизма, а затем определяли степень, в которой они поддерживают проведение «специальной военной операции» и мобилизации. Результаты показали, что обе формы отношения к России — как позитивная идентичность, так и национальный нарциссизм — демонстрировали сопоставимые по силе позитивные связи с поддержкой военных действий и одобрением мобилизации.

Отношение к власти как фактор одобрения войны

Второй фактор, предсказывающий отношение к военным действиям, — это отношение к власти в стране. Исследователи измеряют это отношение двумя способами. С одной стороны, интерес вызывает относительно устойчивое отношение людей к власти как таковой. С другой стороны, ученые принимают во внимание отношение к власти, которая существует в данный момент. Психологические исследования показывают, что первый показатель связан с отношением к войне в разных странах, а второй показатель — по крайней мере, в некоторых государствах.

Отношение к власти как таковой: правый авторитаризм. Правый авторитаризм — это система представлений о том, как должно быть устроено общество. Он включает в себя три элемента: конвенционализм, авторитарное подчинение и авторитарную агрессию [Altemeyer 1988]. Конвенционализм — это одобрение и следование традиционным социальным нормам, которые якобы разделяются всем обществом; авторитарное подчинение — это готовность подчиняться любым представителям власти, которые считаются легитимными в той стране, в которой человек живет; авторитарная агрессия — это стремление наказать тех, кто не подчиняется власти, или тех, кого власть считает своими врагами¹.

Правый авторитаризм связан с оценками и поведением людей во внутренней и международной политике. С одной стороны, он позитивно связан с отношением к существующей в стране политической системе [Vargas-Salfate et al. 2018] и негативно — к политическим протестам [Lemieux, Asal 2010; Lemieux et al. 2017; Saeri et al. 2015; Sevi et al. 2021]. Кроме того, он негативно связан с соблюдением индивидуальных прав и свобод человека, но позитивно — с их ограничением, прежде всего при наличии внешней угрозы [Cohrs et al. 2007; Crowson, DeBacker 2008; Crowson et al 2005; Kossowska et al. 2011; McFarland, Mathews 2005; Swami et al. 2012].

1 В России этот компонент принимает форму «вера в сильную руку, которая может навести порядок в стране» [Гулевич и др. 2022].

С другой стороны, исследования, проведенные в разных странах, показали, что правый авторитаризм позитивно связан с отношением к участию своей страны в боевых действиях на территории других государств, например, к войне во Вьетнаме [Izzett 1971], Персидском заливе [Doty et al. 1997; Duncan, Stewart 1995], Ираке [Cohrs et al. 2005; Crowson et al. 2005, 2006; McFarland 2005], Югославии [Cohrs, Moschner 2002]. Аналогично серия наших исследований, проведенных летом 2022 года, продемонстрировала, что правый авторитаризм позитивно связан с отношением российских респондентов к «специальной военной операции» на территории Украины.

Отношение к действующей власти. Отношение к действующей власти — это широкий термин, который включает в себя целый ряд более узких конструктов, таких как «оправдание системы» [Jost 2020], «воспринимаемая политическая справедливость» [Tyler 2012], «политическое доверие» [Zmerli, Newton 2017], «политический популизм» [Gidengil, Stolle 2022]. Все эти показатели отражают отношение человека к тому, что происходит в политической сфере, но тем не менее изучаются по отдельности и в собственной логике. Основное внимание современных исследователей привлекают оправдание системы (вера в то, что дела в стране идут в правильном направлении) и политическое доверие (прежде всего доверие действующим политическим институтам).

Отношение к действующей власти предсказывает оценки и поведение людей в политической сфере. С одной стороны, чем больше люди доверяют политическим институтам своей страны, тем больше они поддерживают принятые ими решения. В частности, отношение к действующей власти положительно связано с явкой на выборы [Hooghe 2018; Hooghe, Marien 2013; Katsanidou, Eder 2016], голосованием за представителей действующей власти [Bélanger 2018; Hooghe 2018], но отрицательно связано с участием в политических протестах [Hooghe, Marien 2013; Hooghe, Quintelier 2013]. С другой стороны, чем позитивнее люди относятся к действующей власти, тем больше они одобряют ее действия в международных отношениях, в т.ч. военные действия [например, «специальную военную операцию в Украине» Gulevich et al., 2023a].

Воспринимаемая межгрупповая угроза как фактор одобрения войны

Воспринимаемая межгрупповая угроза — это вера людей в то, что другая группа представляет угрозу для сообщества, к которому они принадлежат [Stephan et al. 2009]. Исследователи выделяют две формы воспринимаемой угрозы — реальную и символическую. Реаль-

ная угроза — это вера людей в то, что другая группа может завладеть ресурсами, принадлежащими их сообществу, или нанести ему физический ущерб. Символическая угроза — это вера людей в то, что члены другой группы могут понизить статус, изменить ценности или образ жизни сообщества, к которому они принадлежат.

Воспринимаемая межгрупповая угроза оказывает негативное воздействие на отношение к другим сообществам [Riek et al. 2006]. Чем более сильную угрозу люди ощущают со стороны какой-либо группы, тем негативнее они относятся к ее представителям [Sagisati 2018]. Например, воспринимаемая реальная и символическая угроза от мигрантов негативно связана с отношением к ним в таких разных странах, как Австралия и Канада [Louis et al. 2013], Турция [Yitmen, Verkuyten 2018], Финляндия [Brylka et al. 2015], Франция [Badea et al. 2018] и Швейцария [Falomir-Pichastor, Frederic 2013]. Аналогично воспринимаемая угроза от других стран позитивно связана с одобрением военного вторжения на территорию этих государств [Gulevich et al. 2023b].

Обсуждение

41

Можно выделить два уровня, на которых психологи анализируют отношение людей к войне: отношение к конкретным военным кампаниям и к военным действиям как к общему способу разрешения международных конфликтов. Эти уровни, с одной стороны, отражают разные аспекты происходящего, но с другой — связаны друг с другом. В частности, восприятие войны как эффективного и морально оправданного способа разрешения международных конфликтов улучшает отношение человека к военным кампаниям на территории других государств и повышает готовность лично участвовать в них.

Психологические исследования показали, что факторы, которые предсказывают отношение к военным действиям, можно разделить на три группы: индивидуально-психологические особенности (например, личностные черты, психологическое отчуждение и отчуждение моральной ответственности), социально-психологические особенности и характеристики ситуации (участники — солдаты vs мирные жители, демократические vs недемократические страны). Наибольшее внимание ученых привлекли социально-психологические факторы: социальные верования (вера в «хороший» и «плохой» мир); отношение к человечеству (общечеловеческая идентичность); отношение к своей стране (позитивная национальная идентичность vs национальный нарциссизм); отношение к власти (правый авторитаризм, политическое доверие); восприятие реальной и символической угрозы со стороны других стран.

Тем не менее проведенные исследования имеют несколько разных ограничений (рис. 2). Во-первых, большинство исследователей полагают, что позитивное отношение к войне автоматически означает негативное отношение к миру, и наоборот. Однако некоторые исследования показывают, что отношение к войне и к миру — это принципиально разные переменные, которые возникают при разных условиях и приводят к разным последствиям. Например, психологическая основа отношения к миру — это стремление человека к международной гармонии и равенству, а основа отношения к войне — это стремление к национальной силе и порядку [Bizumic et al. 2013]. Поэтому сравнение психологических факторов и последствий отношения к войне и к миру может дать более полное представление о том, почему люди поддерживают военные действия.

42

Рисунок 2. Ограничения и направления будущих исследований
Figure 2. Limitations and directions for future research

Во-вторых, для разрешения международных конфликтов люди используют как военные действия, так и переговоры. Проведение переговоров — это популярная тема психологических исследований. Однако ученые фокусируются на поведении участников, а не на отношении наблюдателей, в данном случае — граждан, которые могут одобрять или не одобрять этот способ решения международных конфликтов. Как следствие, мы имеем представление о факторах и последствиях отношения к войне, но практически ничего не знаем о факторах и последствиях отношения к переговорам.

Изучение второй темы позволит понять, как люди делают выбор между войной и мирными переговорами.

В-третьих, психологи чаще изучают отношение людей к конкретным военным кампаниям, чем к войне как к способу решения международных конфликтов. С одной стороны, эти уровни взаимосвязаны друг с другом. С другой стороны, они зависят от разных факторов. Например, отношение к войне вообще может быть одним из проявлений отношения к насилию. В этом случае можно предположить, что оно больше зависит от индивидуально-психологических, но меньше — от социально-психологических и ситуационных факторов, чем отношение к конкретным военным кампаниям. Изучение отношения к войне вообще поможет лучше понять природу этого явления.

В-четвертых, психологи часто изучают отношение к военной кампании в целом или к насилию против людей, которые воюют с оружием в руках. В то же время они уделяют мало внимания отношению к действиям, которые направлены против мирных жителей (от мародерства до убийства). Между тем отдельные исследования показывают, что за одобрением разных действий стоят разные психологические факторы. Социально-психологические особенности предсказывают отношение к военной кампании в целом, а индивидуально-психологические — отношение к насилию против мирного населения [Gulevich et al 2023a]. Сравнение отношения к разным формам военного насилия даст возможность лучше понять, на чем строится отношение к войне.

43

В-пятых, психологи изучают разные факторы, предсказывающие отношение к военным действиям. В большинстве случаев они рассматривают эти факторы изолированно друг от друга. В то же время ситуация гораздо сложнее: некоторые исследования, проведенные в разных областях психологии, показали, что индивидуальные особенности людей могут взаимодействовать с характеристиками ситуации [Росс, Нисбетт 1999]. В нашем случае это означает, что одни и те же индивидуальные особенности могут по-разному предсказывать отношение к военным действиям против разных стран, при наличии разных причин и т. д. Таким образом, изучение взаимосвязей между факторами позволит уточнить условия, при которых люди одобряют или не одобряют военные действия.

Библиография / References

Гулевич О. А., Неврюев А. Н. (2016) Личностные детерминанты отношения к войне как способу решения международных конфликтов. *Вопросы психологии*, (3): 58-68.

— Gulevich O. A., Nevryuev A. N. (2016) Personal determinants of attitudes toward war as a way to resolve international conflicts. *Issues in Psychology*, (3): 58-68. — in Russ.

Гулевич О. А., Кривошеков В. С., Гусева В. В. (2022) Русскоязычный опросник для измерения правого авторитаризма: валидность и инвариантность. *Психологические исследования*, в печати.

— Gulevich O. A., Krivoshchekov V. S., Guseva V. V. (2022) Russian-language questionnaire for measuring right-wing authoritarianism: validity and invariance. *Psychological Research*, in press. — in Russ.

Неврюев А. Н. (2018) Разработка опросника для изучения аттитудов к войне как к способу разрешения международных конфликтов. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 15 (3): 464-476.

— Nevryuev A. N. (2018) Development of a questionnaire to study attitudes towards war as a way to resolve international conflicts. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 15(3): 464-476. — in Russ.

Неврюев А. Н., Гулевич О. А., Некрасова Е. А. (2018) Вера в справедливый мир, гражданская идентичность и социальная установка по отношению к войне (на примере гражданской войны в Сирии). *Психологический журнал*, 39 (4): 17-26.

44

— Nevryuev A. N., Gulevich O. A., Nekrasova E. A. (2018) Faith in a just world, civic identity and social attitude towards war (on the example of the civil war in Syria). *Psychological Journal*, 39(4): 17-26. — in Russ.

Росс Л., Нисбетт Р. (1999) *Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии*, М.: Аспект Пресс.

— Ross L., Nisbett R. (1999) *Person and situation. Perspectives of social psychology*, М.: Aspect Press. — in Russ.

Adam-Troian J., Arciszewski T., Apostolidis T. (2019) National identification and support for discriminatory policies: the mediating role of beliefs about laïcité in France. *European Journal of Social Psychology*, 49 (5): 924-937.

Anderson J., Ferguson R. (2018) Demographic and ideological correlates of negative attitudes towards asylum seekers: a meta-analytic review. *Australian Journal of Psychology*, 70 (1): 18-29.

Badea C., Iyer A., Aebischer V. (2018) National identification, endorsement of acculturation ideologies and prejudice: the impact of the perceived threat of immigration. *International Review of Social Psychology*, 31 (1): article 14.

Barnes C. D., Brown R. P., Lenes J., Bosson J., Carvallo M. (2014) My country, my Self: honor, identity, and defensive responses to national threats. *Self and Identity*, 13 (6): 638-662.

Bélanger É. (2018) Political trust and voting behaviour. S. Zmerli, T. W. G. van der Meer (eds) *Handbook on Political Trust*, Edward Elgar Publishing.

Bertin P., Marinthe G., Biddlestone M., Delouvée S. (2022) Investigating the identification-prejudice link through the lens of national narcissism: the role of defensive group beliefs. *Journal of Experimental Social Psychology*, 98: 104252.

- Bianco F., Kosic A., Pierro A. (2022) The mediating role of national identification, binding foundations and perceived threat on the relationship between need for cognitive closure and prejudice against migrants in Malta. *Community & Applied social Psychology*, 32 (2): 172-185.
- Bilali R. (2014) The downsides of national identification for minority groups in intergroup conflicts in assimilationist societies. *British Journal of Social Psychology*, 53 (1): 21-38.
- Bizumic B., Stubager R., Mellon S., Van der Linden N., Iyer R., Jones B. M. (2013) (In) compatibility of attitudes toward peace and war. *Political Psychology*, 34 (5): 673-693.
- Blumberg H. H., Zeligman R., Appel L., Tibon-Czopp S. (2017) Personality dimensions and attitudes towards peace and war. *Journal of Aggression, Conflict and Peace Research*, 9 (1): 13-23.
- Brylka A., Mähönen T. A., Jasinskaja-Lahti I. (2015) National identification and attitudes towards Russian immigrants in Finland: Investigating the role of perceived threats and gains. *Scandinavian Journal of Psychology*, 56 (6): 670-677.
- Caricati L. (2018) Perceived threat mediates the relationship between national identification and support for immigrant exclusion: a cross-national test of intergroup threat theory. *International Journal of Intercultural Relations*, 66: 41-51.
- Cichocka A., de Zavala A. G., Marchlewska M., Bilewicz M., Jaworska M., Olechowski M. (2018) Personal control decreases narcissistic but increases non-narcissistic in-group positivity. *Journal of Personality*, 86 (3): 465-480.
- Cohrs J. C., Maes J., Moschner B., Kielmann S. (2007) Determinants of human rights attitudes and behavior: a comparison and integration of psychological perspectives. *Political Psychology*, 28 (4): 441-469.
- Cohrs C., Moschner B. (2002) Antiwar knowledge and generalized political attitudes as determinants of attitude toward the Kosovo War. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 8 (2): 139-155.
- Cohrs J. C., Moschner B., Maes J., Kielmann S. (2005) Personal values and attitudes toward war. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 11 (3): 293-312.
- Crowson H. M. (2009) Right-wing authoritarianism and social dominance orientation: As mediators of worldview beliefs on attitudes related to the war on terror. *Social Psychology*, 40(2): 93-103.
- Crowson H. M., DeBacker T. K. (2008) Belief, motivational, and ideological correlates of human rights attitudes. *The Journal of Social Psychology*, 148 (3): 293-310.
- Crowson H. M., DeBacker T. K., Thoma S. J. (2005) Does authoritarianism predict post-9/11 attitudes? *Personality and Individual Differences*, 39 (7): 1273-1283.
- Crowson H. M., Debacker T. K., Thoma S. J. (2006) The role of authoritarianism, perceived threat, and need for closure or structure in predicting post-9/11 attitudes and beliefs. *Journal of Social Psychology*, 146 (6): 733-750.
- Dierckx K., Politi E., Valcke B., van Assche J., Van Hiel A. (2022) The “ironic” fair process effect: a perceived fair naturalization procedure spurs anti-immigration attitudes through increased host national identification among naturalized citizens. *Group Processes & Intergroup Relations*, 25 (2): 379-398.

Doty R. M., Winter D. G., Peterson B. E., Kimmelmeier M. (1997) Authoritarianism and American students' attitudes about the Gulf War, 1990–1996. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 23 (11): 1133–1143.

Duncan L. E., Stewart A. J. (1995) Still bringing the Vietnam War home: sources of contemporary student activism. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 21 (9): 914–924.

Dyduch-Hazar K., Mrozinski B., Golec de Zavala A. (2019) Collective narcissism and in-group satisfaction predict opposite attitudes toward refugees via attribution of hostility. *Frontiers in Psychology*, 10: article 1901.

Falimir-Pichastor J. M., Frederic N. S. (2013) The dark side of heterogeneous ingroup identities: National identification, perceived threat, and prejudice against immigrants. *Journal of Experimental Social Psychology*, 49 (1): 72–79.

Falimir-Pichastor J. M., Staerkle C., Pereira A., Butera F. (2012) Democracy as justification for waging war: the role of public support. *Social Psychological and Personality Science*, 3 (3): 324–332.

Gidengil E., Stolle D. (2022) Populism. D. Osborne, C. Sibley (eds) *The Cambridge Handbook of Political Psychology*, Cambridge University Press.

Golec de Zavala A. G. (2011) Collective narcissism and intergroup hostility: the dark side of “in-group love”. *Social and Personality Psychology Compass*, 5 (6): 309–320.

46

Golec de Zavala A., Cichocka A. (2012) Collective narcissism and anti-semitism in Poland. *Group Processes & Intergroup Relations*, 15 (2): 213–229.

Golec de Zavala A., Cichocka A., Bilewicz M. (2013) The paradox of in-group love: differentiating collective narcissism advances understanding of the relationship between in-group and out-group attitudes. *Journal of Personality*, 81 (1): 16–28.

Golec de Zavala A., Cichocka A., Eidelson R., Jayawickreme N. (2009) Collective narcissism and its social consequences. *Journal of Personality and Social Psychology*, 97 (6): 1074–1096.

Golec de Zavala A., Lantos D. (2020) Collective narcissism and its social consequences: the bad and the ugly. *Current Directions in Psychological Science*, 29 (3): 273–278.

Golec de Zavala A. G., Federico C. M., Sedikides C., Guerra R., Lantos D., Mroziński B., Cypryańska M., Baran T. (2020) Low self-esteem predicts out-group derogation via collective narcissism, but this relationship is obscured by in-group satisfaction. *Journal of Personality and Social Psychology*, 119 (3): 741–764.

Górska P., Stefaniak A., Malinowska K., Lipowska K., Marchlewska M., Budziszewska M., Maciantowicz O. (2020) Too great to act in solidarity: the negative relationship between collective narcissism and solidarity-based collective action. *European Journal of Social Psychology*, 50 (3): 561–578.

Górska P., Stefaniak A., Marchlewska M., Matera J., Kocyba P., Łukianow M., Malinowska K., Lipowska K. (2022) Refugees unwelcome: narcissistic and secure national commitment differentially predict collective action against immigrants and refugees. *International Journal of Intercultural Relations*, 86: 258–271.

Gronfeldt B., Cislak A., Sternisko A., Eker I., Cichocka A. (2022) A small price to pay: national narcissism predicts readiness to sacrifice in-group members to defend the in-group's image. *Personality and Social Psychology Bulletin*.

Guerra R., Bierwiazzonek K., Ferreira M., Golec de Zavala A., Abakoumkin G., Wildschut T., Sedikides C. (2022) An intergroup approach to collective narcissism: intergroup threats and hostility in four European Union countries. *Group Processes & Intergroup Relations*, 25 (2): 415-433.

Gulevich O., Nevruiev A., Sarieva I. (2020) War as a method of conflict resolution: the link between social beliefs, ideological orientations, and military attitudes in Russia. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 26 (2): 192-201.

Gulevich O., Osin E. (2023) Generalized trust and military attitudes in Russia: the role of national and global human identification. *British Journal of Social Psychology*, 62 (3): 1566-1579.

Gulevich O., Osin E., Chernov D. (2023a) Dark Triad and the attitude towards violence against civilians: the role of moral disengagement. *Journal of Personality and Social Psycholog.* Under review.

Gulevich O., Osin E., Chernov D. (2023b). Perceived intergroup threat and military attitudes in Russia: The role of secure national identification and national narcissism. *Group Processes and Intergroup Relations*. Under review.

Hamer K., Penczek M., Bilewicz M. (2018) Between universalistic and defensive forms of group attachment. the indirect effects of national identification on intergroup forgiveness. *Personality and Individual Differences*, 131: 15-20.

Hooghe M. (2018) Trust and elections. E. M. Uslaner (ed.) *The Oxford Handbook of Social and Political Trust*, Oxford University Press.

Hooghe M., Marien S. (2013) A comparative analysis of the relation between political trust and forms of political participation in Europe. *European Societies*, 15 (1): 131-152.

Hooghe M., Marien S. (2010) Does political trust matter? An empirical investigation into the relation between political trust and support for law compliance. *European Journal of Political Research*, 50 (2): 267-291.

Hooghe M., Quintelier E. (2014) Political participation in European countries: the effect of authoritarian rule, corruption, lack of good governance and economic downturn. *Comparative European Politics*, 12 (2): 209-232.

Izzett R. R. (1971) Authoritarianism and attitudes toward the Vietnam War as reflected in behavioral and self-report measures. *Journal of Personality and Social Psychology*, 17 (2): 145-148.

Jagodic G. K. (2000) Is war a good or a bad thing? The attitudes of Croatian, Israeli, and Palestinian children toward war. *International Journal of Psychology*, 35: 241-257.

Jost J. T. (2020) *A theory of system justification*, Harvard University Press.

Katsanidou A., Eder C. (2016) Vote, party, or protest: the influence of confidence in political institutions on various modes of political participation in Europe. *Comparative European Politics*, 16: 290-309.

Katzarska-Miller I., Reysen S., Kamble S. V., Vithoji N. (2012) Cross-national differences in global citizenship: comparison of Bulgaria, India, and the United States. *Journal of Globalization Studies*, 3 (2): 166-183.

Kossowska M., Trejtowicz M., Goodwin R. (2011) Relationships between right-wing authoritarianism, terrorism threat, and attitudes towards restrictions of civil rights: a comparison among four European countries. *British Journal of Psychology*, 102 (2): 245-259.

Lemieux A. F., Asal V. H. (2010) Grievance, social dominance orientation, and authoritarianism in the choice and justification of terror versus protest. *Dynamics of Asymmetric Conflict*, 3: 194-207.

Lemieux A. F., Kearns E. M., Asal V., Walsh J. I. (2017) Support for political mobilization and protest in Egypt and Morocco: an online experimental study. *Dynamics of Asymmetric Conflict*, 10 (2-3): 124-142.

Lindén M., Björklund F., Bäckström M., Messervey D., Whetham D. (2019). A latent core of dark traits explains individual differences in peacekeepers' unethical attitudes and conduct. *Military Psychology*, 31 (6): 499-509.

Louis W. R., Esses V. M., Lalonde R. N. (2013) National identification, perceived threat, and dehumanization as antecedents of negative attitudes toward immigrants in Australia and Canada. *Journal of Applied and Social Psychology*, 43 (S2): E156-E165.

Luca C., Kevin O. C., Chiara B. (2021) Do superordinate identification and temporal/social comparisons independently predict citizens' system trust? Evidence from a 40-nation survey. *Frontiers in Psychology*, 12.

48

Marchlewska M., Cichocka A., Jaworska M., Golec de Zavala A., Bilewicz M. (2020) Superficial ingroup love? Collective narcissism predicts ingroup image defense, outgroup prejudice, and lower ingroup loyalty. *The British Journal of Social Psychology*, 59 (4): 857-875.

McFarland S. (2010) Personality and support for universal human rights: a review and test of a structural model. *Journal of Personality*, 78 (6): 1735-1763.

McFarland S. (2015) Culture, individual differences, and support for human rights: a general review. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 21 (1): 10-27.

McFarland S. (2017) Identification with all humanity: the antithesis of prejudice, and more. S. G. Sibley, F. K. Barlow (eds) *Cambridge Handbook on the Psychology of Prejudice*, New York, NY: Cambridge University Press: 632-654.

McFarland S. G. (2005) On the eve of war: authoritarianism, social dominance, and American students' attitudes toward attacking Iraq. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 31 (3), 360-367.

McFarland S., Hackett J., Hamer K., Katzarska-Miller I., Malsch A., Reese G., Reysen S. (2019) Global human identification and citizenship: a review of psychological studies. *Political Psychology*, 40 (Suppl 1): 141-171.

McFarland S. G., Hornsby W. (2015) An analysis of five measures of global human identification. *European Journal of Social Psychology*, 45 (7): 806-817.

McFarland S., Mathews M. (2005) Who cares about human rights? *Political Psychology*, 26 (3): 365-385.

Renger D., Reese G. (2017) From equality-based respect to environmental activism: antecedents and consequences of global identity. *Political Psychology*, 38 (5): 867-879.

Reysen S., Katzarska-Miller I. (2017) Superordinate and subgroup identities as predictors of peace and conflict: the unique content of global citizenship identity. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 23 (4): 405-415.

Reysen S., Pierce L., Spencer C., Katzarska-Miller I. (2013) Exploring the content of global citizenship identity. *Journal of Multiculturalism in Education*, 9 (1): 1-31.

Saeri A. K., Iyer A., Louis W. R. (2015) Right-wing authoritarianism and social dominance orientation predict outsiders' responses to an external group conflict: implications for identification, anger, and collective action. *Analyses of Social Issues and Public Policy*, 15: 303-332.

Sevi B., Altman N., Ford C. G., Shook N. J. (2021) To kneel or not to kneel: right-wing authoritarianism predicts attitudes toward NFL kneeling protests. *Current Psychology*, 40: 2948-2955.

Swami V., Nader I. W., Pietschnig J., Stieger S., Tran U. S., Voracek M. (2012) Personality and individual difference correlates of attitudes toward human rights and civil liberties. *Personality and Individual Differences*, 53 (4): 443-447.

Turner J. C., Reynolds K. J. (2012) Self-categorization theory. P. A. M. Van Lange, A. W. Kruglanski, E. T. Higgins (eds) *Handbook of Theories of Social Psychology*, Sage Publications Ltd.: 399-417.

Tyler T. R. (2012) Justice theory. P. A. M. Van Lange, A. W. Kruglanski, E. T. Higgins (eds) *Handbook of Theories of Social Psychology*, Thousand Oaks, CA: Sage.

Van der Linden N., Leys C., Klein O., Bouchat P. (2017) Are attitudes toward peace and war the two sides of the same coin? Evidence to the contrary from a French validation of the Attitudes Toward Peace and War Scale. *PLoS One*, 12 (9): e0184001.

Van Hiel A., Onraet E., Bostyn D. H., Stadeus J., Haesevoets T., Van Assche J., Roets A. (2020) A meta-analytic integration of research on the relationship between right-wing ideological attitudes and aggressive tendencies. *European Review of Social Psychology*, 31: 183-221.

Vargas-Salfate S., Paez D., Liu J. H., Pratto F., Gil de Zúñiga H. (2018) A comparison of social dominance theory and system justification: the role of social status in 19 nations. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 44 (7): 1060-1076.

Verkuyten M., Kollar R., Gale J., Yogeeswaran K. (2022) Right-wing political orientation, national identification and the acceptance of immigrants and minorities. *Personality and Individual Differences*, 184: article 111217.

Watkins H. M., Laham S. M. (2020) The principle of discrimination: investigating perceptions of soldiers. *Group Processes & Intergroup Relations*, 23: 3-23.

Weise D. R., Pyszczynski T., Cox C. R., Arndt J., Greenberg J., Solomon S., Kossloff S. (2008) Interpersonal politics: the role of terror management and attachment processes in shaping political preferences. *Psychological Science*, 19 (5): 448-455.

Yitmen S., Verkuyten M. (2018). Feelings toward refugees and non-Muslims in Turkey: the roles of national and religious identifications, and multiculturalism. *Journal of Applied Social Psychology*, 48 (2): 90-100.

Żemojtel-Piotrowska M., Sawicki A., Jonason P. K. (2020) Dark personality traits, political values, and prejudice: testing a dual process model of prejudice towards refugees. *Personality and Individual Differences*, 166: article 110168.

Zmerli S., Newton K. (2017) Objects of political and social trust: scales and hierarchies. S. Zmerli, T. W. G. van der Meer (eds) *Handbook on Political Trust*, Edward Elgar Publishing.

Рекомендация для цитирования:

Гулевич О. А., Осин Е. Н. (2023) Психологические факторы отношения к войне: теоретический обзор. *Социология власти*, 35 (1): 31-50.

For citations:

Gulevich O. A., Osin E. N. (2023) Psychological Factors Underlying Attitudes toward War: A Theoretical Review. *Sociology of Power*, 35 (1): 31-50.

Поступила в редакцию: 16.02.2022; принята в печать: 15.03.2022

Received: 16.02.2022; Accepted for publication: 15.03.2022